

Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.2.63>

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ЭПОХИ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2021

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Проведено исследование преступлений против правосудия в эпоху абсолютной монархии России – с начала XVIII в. до 1917 г. Предметом исследования определены законодательные акты Российского государства указанного периода, как содержащие нормы уголовно-правового характера, посвященные охране интересов правосудия, так и собственно уголовные законы и проекты уголовных законов, имеющие самостоятельный (автономный) характер. В качестве методов исследования выбраны конкретно-исторический и компаративистский (сравнительно-правовой) подходы к правовой природе института преступлений против правосудия. В основу формирования выводов положен общий индуктивный метод, позволяющий от частных (казуистических) законодательных фрагментов приблизиться к общим принципам законодательного оформления охраны интересов правосудия. В ходе исследования выявлен и систематизирован целый ряд положений теоретического характера. Установлено, что в эпоху абсолютной монархии в России, связанной с именем Петра I, начались процессы обновления в уголовном законодательстве, изменились концептуальные подходы к закреплению нормативного материала, совершенствовалась методика построения норм, начали формироваться положения общего характера в том объеме, который необходим для нормального процесса правоприменения, хотя структурное обособление еще не оформилось, трансформировался уголовно-правовой терминологический аппарат. Отмечено безусловное влияние на русское национальное уголовное право положений иностранного законодательства. Выявлено, что серьезным толчком для изменения концептуального подхода к оформлению преступлений против правосудия стало появление новых законодательных актов в области уголовно-процессуального регулирования. Констатируется, что уголовно-правовая реформа, осуществляемая на протяжении двух столетий, не достигла некоторых общих и частных целей, в том числе не была осуществлена в полном объеме систематизация преступных посягательств на интересы правосудия в Российской империи.

Ключевые слова: преступления против правосудия, лжесвидетельство, клятвопреступление, «лживые обыски», ябеда, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Эпоха становления абсолютной монархии в России достаточно прочно ассоциируется с именем Петра Алексеевича Романова (Петра I). Практически все историки права отмечают достаточно интенсивную деятельность Петра I в области уголовного права. Кроме Артикула воинского, Воинского устава и Морского устава уголовно-правовые положения содержались в нормах более чем четырехсот указов, а также в различных актах общего характера – наказах, регламентах и др. Петром Великим не раз предпринимались попытки разработки уголовного закона и для гражданского населения – уложения о наказаниях, учитывающего опыт зарубежного и отечественного нормотворчества и различающего

в качестве наиболее общих видов преступления государственные и партикулярные. Петр I предлагал создать уголовное уложение именно на базе соединения русского уголовного законодательства с иностранным. Первая неудачная попытка начать работу над новым уложением была предпринята в 1700 г. Затем в 1714 г. было издано новое предписание о подготовке уложения, а затем вновь в период с 1720 по 1725 г. [8, с. 728]. Вполне вероятно, что возможный успех этого мероприятия позволил бы России решить вопросы с уголовно-правовой кодификацией и институциональной систематизацией как минимум на столетие раньше.

При этом Петр не отменяет Соборного уложения и новоуказных статей, подтверждая их

действие целым рядом указов. Одним из таких был, например, Указ «О вершении дел без всякого замедления и волокиты по Уложению» 1719 г. Подобного же рода предписание содержал и Регламент Главного магистрата 1721 г.

В указанный период дальнейшее развитие получают очень многие институты Общей части уголовного права. Так, именно в петровском уголовном законодательстве появляется термин «преступление». В Указе «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» от 24 декабря 1714 г. говорится: «... многие, яко бы оправдая себя, говорят, что сие незаказано было, не разсуждая того, что все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступления» [8, с. 749]. Примерно одновременно с термином «преступление» появляется и термин «преступник». Хотя термины «вор» и «воровство», которыми до этого обозначалось общее понятие преступника и преступного, продолжают применяться в законодательстве. В указанный период в законодательстве начинает проводиться различие между деяниями умышленными, неосторожными и случайными. Перечисляются условия, при которых совершенные деяния считаются непроступным (совершенные деяния при крайней нужде, в лишении ума, малолетним). Различаются некоторые стадии совершения преступления. Так, наказывался голый умысел за ряд преступлений (в основном политических). Выделяется также покушение и оконченное (совершенное) преступление. Среди видов соучастников появляются фигуры не только исполнителя, но и подстрекателя, недонесителя, пособника, укрывателя. Начинают формироваться обстоятельства, отягчающие наказание (совершение убийства мучительными способами, убийство родителей, офицера, ребенка) [16, с. 321].

В эпоху царствования Петра Великого претерпевает значительные изменения и процесс судопроизводства. Так, Указом от 21 (24) февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» предписано вместо «судов и очных ставок по челобитью всяких чинов в обидах и разореньях чинить розыск» [3, с. 575]. Статья 9 данного указа карала клятвopреступление смертной казнью, а ст. 10 устанавливала смертную казнь за лжесвидетельство.

Не очень большое количество преступлений против правосудия предусматривалось в одном из основных законодательных актов первой половины XVIII в. – Артикуле воинском 1714 г. В главе XXII в артикулах 196–198 устанавливалась уголовная ответственность за дачу ложной при-

сяги в оправдание своей невинности и лжесвидетельство. Так, артикул 196 гласил, что тот, кто «лживую присягу учиняет и кто в этом явно уличен будет, тому отсечь два пальца и послать на каторгу». Речь, правда, шла только об умышленном совершении данного преступления. Тот же, кто «не осмыслясь к присяге представит себя», уголовной ответственности не подлежал. Артикул 197 являлся по сути квалифицированным видом состава, предусмотренным в предыдущей норме. Если через лживую присягу кому-либо причинялся вред материальный или физический, то в таком случае виновному грозила смертная казнь в определенных случаях. По артикулу 198 надлежало подобным же образом поступать и с клятвopреступниками, а также предусматривалось в качестве дополнительного наказания церковное покаяние [11, с. 366]. Таким образом, становится совершенно очевидным, что только умышленная лжеприсяга могла стать основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Неосторожное (и невинное) поведение ответственность исключало. Причинение вреда материального или физического как последствие лжеприсяги рассматривалось как квалифицирующее обстоятельство.

Продолжает оставаться на острие уголовной ответственности такой комплекс преступных деяний против правосудия, как противодействие осуществлению судебными чинами задержаний преступников, незадержание преступников по неуважительным причинам и укрывательство преступлений. Глава XXIII устанавливала ответственность за сопротивление различным судебским служителям – палачам, профосам и др. [28, с. 19]. В соответствии с артикулами 206 и 207 попытка утаить злодея от заслуженного наказания грозила смертной казнью. Каралось достаточно жестко ненадлежащее выполнение своих обязанностей чиновными судебскими, которое привело к побегу [11, с. 368].

Полное закрепление основных положений нового розыскного процесса, во многом заимствованного на Западе, Петр осуществил в приложении к Уставу воинскому от 30 марта 1716 г. Это приложение называлось «Краткое изображение процессов или судебных тяжб». «Формально, – пишет М. А. Чельцов-Бебутов, – “Краткое изображение” должно было регулировать военно-уголовный процесс... Однако ряд положений этого закона имел более широкое значение, так как в них говорилось не только о “военных”, но и о гражданских (то есть общеуголовных) делах» [29, с. 709]. Статья 4 главы VI «О распросе с пристрастием и о пытке» указывает на то, что судья не должен злоупотреблять должностными полномочиями при осуществлении пыток. Если же подобные злоупотребления

происходили, то судья, уличенный в «жадном подозрении», мог быть приговорен к смертной казни [11, с. 596].

Продолжал эстафету уголовно-правового закрепления преступлений против правосудия Устав морской 1720 г. Глава XVIII регламентирует ответственность за лживую присягу. При этом просто принесенная лживая присяга, не причинившая вред, предполагала вырезание ноздрей и отправку на галеры. Если лживая присяга причиняла вред физический и моральный, то такое квалифицированное преступление предполагало наказание, соответствующее причиненному вреду, или даже смертную казнь.

Определенный интерес представляет гл. XIX «Кого велено взять, а он будет противиться», содержащая только одну ст. 139 с одноименным названием. В данной статье регламентируется ответственность за сопротивление аресту как мере пресечения. При этом статья в большей степени обращена к лицам, исполняющим данную меру. В случае если речь шла о партикулярном воре, его убийство в случае сопротивления не подлежало наказанию. В случае если преступник был государственный (бунтовщик или изменник), за причинение смерти при задержании задерживающий сам подлежал смерти как изменник.

Глава XX «О утаении и увозе злодеев» в ст. 140–146 предусматривала ответственность за укрывательство злодеев, шпионов, изменников (ст. 140); за появление в общественных местах с лицами, которые были публично наказаны и ошельмованы (ст. 141). Статья 142 была, по сути, статьей-прообразом, регламентирующей снятие судимости: «и всем запрещается оного тем попрекать». Статья 143 устанавливала аналогию, так как повелевала по деяниям, не предусмотренным Уставом, обращаться в Адмиралтейскую коллегия и затем дополнять Устав подобными прецедентами [11, с. 523–524].

Серьезное внимание администрацией Петра Великого уделялось нарушениям установленного порядка судопроизводства, и именно со стороны должностных лиц. Несвоевременное ознакомление с законодательными материалами могло повлечь в зависимости от рецидива штраф, отнятие имущества и лишение чина, а нарушивший указ «О форме суда», учинивший в суде неправду, подлежал как нарушитель «государственных прав и интересов и своей должности» натуральной или политической казни «по важности дела» [15, с. 178]. Именной указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. в ст. 5 начинает защищать ответчика от возможных злонамеренных действий истца, который по каким-либо причинам был заинтересован в волоките. В этом случае истца могли задержать в помещении суда [11, с. 638]. Статья 6 рассматривала случаи вос-

препятствования какой-либо стороне явиться в суд как преступление. «Наказание, вплоть до смертной казни, полагалось за невершение дел в определенный срок, злоумышленный унос из коллегий писем и документов, несправедное доношение о состоянии дела, неисполнение указа, выдачу тайны решения, мнения членов коллегий, “нерапортованья”, т. е. непредставление отчетов о работе административных или судебных органов» [14, с. 177].

Лживым и сомнительным доносам посвящался именной Указ от 10 апреля 1730 г. «О доносах по первым двум пунктам» императрицы Анны Иоанновны. В пункте 3 данного Указа, в частности, говорилось: «А кто на кого учнет доводить такое великое дело со злости, или по какой ссоре, а не доведет, а сыщется про то допряма, что он затеял то напрасно: и тому доносителю за ложный и затейный донос, чинить смертную казнь, без всякой пощады» [7, с. 16]. А Указ от 16 апреля 1730 г. назывался «О рассмотрении поведения тех, которые сами знали дела по первым двум пунктам или слышали слово и дело, но вовсе не донесли или в доносе замедлили». Этот указ устанавливал уголовную ответственность за факт недонесения или за несвоевременный донос. Несвоевременный донос предполагался, если не было уважительных причин, в том числе, например, дальнего расстояния. Доносить в этом случае можно было «как возможно, в самом скором времени, а к сроку не положено» [Там же, с. 21]. Примечательно, но Анне Иоанновне пришлось несколько раз переиздавать данный Указ в разных редакциях, каждый раз приписывая строжайшие наставления о запрете злоупотребления в таких доносах. И действительно, «словом и делом» злоупотребляли колодники и ссыльные, а в 1733 г. к ним добавились караульные солдаты, которые частенько делали такие заявления «в простоте и пьянстве» [Там же, с. 108–109].

Несомненный интерес представляет, в рассматриваемом нами аспекте, именной Указ от 1 июня 1730 г. «О решении дел Судьям по чистой совести, согласно с данною ими присягою, несмотря на лица сильных». В преамбуле Указа императрица Анна Иоанновна говорит о приемственности в охране интересов правосудия, начиная со своего дяди – Петра Великого. О необходимости поступать по самой чистой совести, по присяге, несмотря на должностное и сословное положение некоторых участников судебного процесса, избавляя обиженных «от рук неправды». «А напротив того, – утверждает императрица, – которые Судьи неправедно в судах, врученных им, будут поступать, и дела решить, или хотя и волочить ради своего лакомства и несытства, или маня кому, или боясь кого, или

мстя кому, за что те не точию будущего Божьего суда, которого им за презрение клятвенного обещания не избегнут, но из здесь кто в ком кого обличит, или вышние над ним командиры усмотрят, таких повелеваем штрафовать по Государственным правам и указам, без всякой пощады, несмотря на какого бы чина и достоинства ни был, дабы на то смотря, другие Судьи того чинить не дерзали» [7, с. 24].

По мнению В. М. Клеандровой, при Екатерине II уголовное законодательство не было систематизировано, продолжали действовать и Соборное уложение 1649 г., и Артикул воинский. Хотя попытки систематизировать уголовное законодательство предпринимались при Екатерине II неоднократно. Комиссии по составлению нового уголовного уложения работали с 1754 по 1767 г. [6, с. 824]. Сама Екатерина, понимая всю сложность ситуации с уголовным законодательством, пишет в преамбуле Именного указа, объявленного из Сената, «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» от 3 апреля 1781 г.: «Встречающиеся в законах настоящих различные недостатки, неясности и неудобства, особливо же по делам уголовным, ежечасно убеждали НАС до издания уложения нашего способствовать по возможности временными НАШИМИ установлениями и даваемыми по надобности повелениями» [Там же, с. 847].

Одним из наиболее известных результатов попыток кодификации периода 1754–1766 гг. явились проекты уголовного уложения 1754–1766 гг. Часть вторая новоуложенной книги называлась «О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены». Преступления против правосудия были предусмотрены в гл. 44 «О чинимых в судебных местах от судей, также и от челобитчиков и ответчиков бесчинных поступках, и ежели кто до кого словами или делом касаться будет». В статьях 1–5 говорится о том, что во всех местах, где осуществляется суд (Сенат, Синод, Коллегии, Канцелярии и пр.), всем находящимся там лицам, включая судей, надлежит поступать чинно. И напротив, запрещается браниться, произносить укорительные слова, злословить и клеветать письменно, словесно. Каралось все перечисленное взысканием бесчестия, лишением должности, тюремным заключением. Если же кто-либо совершал побои в отношении судьи, тому наказанием были кнут, тюрьма или каторга (ст. 6). Президенты или лица, замещающие их должности, а также прокуроры за посторонние разговоры при рассмотрении дела должны были заплатить серьезный штраф в размере 50 руб. [13, с. 161–165].

Глава 53 «О лжесвидетельстве» предусматривала целый ряд статей, посвященных крестному целованию. Если истец, ответчик, обывской, свидетель и другие лица приступали к целованию креста в «душевредстве», то за такое предусматривалась смертная казнь. Смертная казнь грозила и тем, кто подговаривал указанных лиц дать неправильные показания [Там же, с. 183–186]. Глава 57 предусматривала ответственность за ябедничество, которое предполагало исключение из числа добрых людей, шельмование и последующую ссылку или каторгу. Глава 59 «О ложных доносителях» в ст. 4 устанавливала ответственность за доноительство, которое представляло собой неумелое доказательство вины другого. В этом случае такому неудачливому доносителю применяли то же самое наказание, которое было положено тому, на кого доносили. В статье 5 предусматривалась ответственность за попытку не просто ложного доноса, а доноса, соединенного с обвинением другого лица в преступлении, которое совершил сам доноситель. В этом случае виновному грозило наказание «смотря по вине» [Там же, с. 201].

Огромное внимание Екатерина II уделяла общественному порядку и безопасности, в связи с чем 8 апреля 1782 г. выходит в свет Устав благочиния или полицейский. Главы М «Запрещении» и Н «Взыскании» посвящены запрещенным деяниям и наказаниям за их совершение. Основной проблемой данного Устава с точки зрения современного уголовного права следует, очевидно, признать отсутствие четкой системы внутри глав и невозможность четко отделить друг от друга преступления и проступки. По мнению М. И. Сизикова, подобную дифференциацию косвенно можно вывести из XXI главы Наказа Екатерины II Уложенной комиссии. Правонарушениями в указанный период времени, очевидно, следует считать деяния, которые нарушали запреты, установленные самим Уставом благочиния и производство по которым, а также окончательное рассмотрение поручалось полиции. Преступлениями считались деяния, по которым решения о мерах наказания надлежало принимать суду на основе закона. «Разграничение преступления и проступка, – пишет М. И. Сизиков, – намечается в Уставе благочиния не только по видам противоправных деяний, но и по стадиям правонарушения, характеру и размеру причиненного вреда» [17, с. 411].

Количество преступлений против правосудия в Уставе благочиния было невелико. Часть 1 статьи 271 устанавливала, что если кто-то учинит противодействие закону или должности действием или словом, того надлежало, изловив, отправлять в суд. Часть 4 предусматривала ответственность за взлом тюрьмы. Часть 5 карала

за учинение «утечки из-под стражи или ссылки». Часть 7 ст. 271 предусматривала ответственность за определенную халатность должностного лица, в результате которой лицо совершало побег из-под стражи. Части 8 и 9 устанавливали ответственность за прием краденых вещей и укрывательство преступления («утайка уголовного преступления») [17, с. 383–384]. Статья 265 предусматривала лжеприсягу [Там же, с. 412].

В 1804 г. для создания уставов и уложений по всем отраслям права (в том числе и уголовного) была учреждена комиссия, которую возглавлял Г. А. Розенкамф. В 1810 г. в состав комиссии вошел Л. Г. Якоб, который подготовил три варианта проекта – 1812, 1813 и 1816 гг. Именно проект уголовного уложения 1813 г. рассматривался как официальный, так как именно в этом году он был внесен в Государственный совет и опубликован. Однако дальнейшая судьба проекта была печальной. Только в 1824 г. Государственный совет приступил к его обсуждению, но так и не закончил его окончательно. Проект имел важнейшее значение для дальнейшего развития всего уголовного законодательства России [9, с. 39]. «Сопrotивление суд творящим местам» как преступление против правосудия было предусмотрено в отд. 2 гл. 4 проекта уголовного уложения Российской империи 1803 г. В отделении 3 «О наказании за освобождение содержащихся под стражей» предусматривались такие составы, как насильственное освобождение колодников, освобождение из-под стражи через подлог и хитрость, а также различные формы прикосновенности к преступлениям, совершаемые путем сокрытия бежавших или упущенных преступников, и собственно укрывательство преступников [2, с. 30–31]. Проектом 1813 г. было предусмотрено освобождение от ответственности за укрывательство супругов и детей. Освобождение же преступника наказывалось строже, чем само укрывательство или защита его. Уголовно наказуемыми деяниями по проекту 1813 г. считались также умышленное и неумышленное упущение содержащихся под стражей преступников, побег осужденных или содержащихся под караулом, незаконное задержание и незаконное лишение свободы, совершенное «хищническим» способом [Там же, с. 32–33].

Книга 1 Свода законов Российской империи 1832 г. содержала параграф VI гл. 3 разд. 5 «О преступлениях чиновников по службе», который назывался «О неправосудии». Однако те статьи, которые в ней содержались, носили достаточно общий характер. Так, ст. 286 разделяла неправосудие на неумышленное и злоумышленное. За неумышленную неправильность в решении межевых дел судья подлежал штрафу. «Кто учинял неправду против правосудия умышлен-

но», тот в соответствии со ст. 288 подлежал в зависимости от степени преступления и наступивших последствий отдаче в солдаты, ссылке на поселение или на каторжные работы. Статья 289 в общем плане регламентировала необходимость разбирательства в каждом случае судебного умышленного злоупотребления, установления причин содеянного – «за взятку, или по дружбе или родству, по ненависти или вражде, или какой иной страсти» [20, с. 101–102].

Статья 283 разд. 5 «О подделке документов и других подлогах в отправлении должности» предусматривала уголовную ответственность за открытие судебных актов посторонним лицам. Если подобное было совершено в первый раз, то виновный подвергался «тяжкому денежному штрафу». Совершение преступления во второй раз влекло в зависимости от степени вины и состояния дела лишение чинов, всех прав состояния и ссылку на поселение [Там же, с. 100].

А в разд. 11 устанавливались уже традиционные виды преступлений против судебной власти в том числе. Раздел назывался «О наказаниях за лживые поступки» и содержал 4 главы. В них предусматривались следующие преступления: лживая присяга, лжесвидетельство, лживые обыски, ябеда, подлог при переносе дел на апелляцию [Там же, с. 234–238]. Так, ст. 751 предусматривала ответственность за основной состав «лживой присяги». Наказание в этом случае представляло собой лишение всех прав состояния, битье плетью и ссылку на поселение.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было принято 15 августа 1845 г. и вступило в силу 1 мая 1846 г. В первоначальной редакции включало в себя 2224 статьи, объединенные в 1–12 разделах. Уложение, как и Свод законов, знало два понятия уголовно наказуемого: преступление и проступок. Но в отличие от свода законов, устанавливающего различие между преступлением и проступком по тяжести наказания, Уложение различало их по объекту посягательства (ст. 1 и 2). Исследователи Уложения 1845 г. отмечали, что в Особенной части этого различия по объекту посягательства провести не удалось [15, с. 161]. По словам И. И. Солодкина, использовав в Общей части в некоторой степени Кодекс Наполеона 1810 г., Уложение 1845 г. в целом отличалось многостатьностью, казуистичностью, отсутствием единства, неполнотой постановлений и несогласованностью наказаний. Согласно исследованиям В. М. Клеандровой, при подготовке проекта нового уложения тщательно изучались 15 действовавших в то время уголовных кодексов, все уголовные законы Англии, а также проекты четырех кодексов Пруссии, Баварии, Швеции и Бадена [18, с. 163].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. также не содержит всех преступлений, посягающих на правосудие, в каком-либо одном разделе или главе. Хотя, как отмечают некоторые исследователи, тенденция структурного обособления преступлений против правосудия проявилась в данном законодательном акте уже достаточно явно [4, с. 19]. Г. П. Новоселов полагает, что именно Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые достаточно четко выделило представления законодателя о правосудии как об объекте уголовно-правовой охраны. «Главным было то, – рассуждает Г. П. Новоселов, – что оно связывалось только с деятельностью его представителей, да и то не любых, а непосредственно принимающих решение по уголовным или гражданским делам, или осуществляющим надзор за правильностью и законностью его вынесения» [24, с. 615].

Согласно сведениям И. В. Стрыгиной, преступления против правосудия находились в трех разделах Уложения [22, с. 221].

В главе 5 «О лжеприсяге», которая находилась в разделе «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений», содержалось 5 статей с 258 по 262. В статье 258 устанавливался общий состав лживой присяги. А статья 259 гласила: «Если кто, равномерно с обдуманном намерением или умыслом, учинит лживую присягу в подтверждение такого своего по уголовному делу свидетельства, вследствие коего обвиняемый должен неправильно понести уголовное наказание, то сей злостный клятвопреступник, по изобличении его, подвергается...» [26, с. 96]. Наказание при этом предполагало лишение всех прав состояния, ссылку в каторжные работы в крепость от 8 до 10 лет и наказание плетьюми, в том случае, если лицо могло быть подвергнуто телесным наказаниям. Лживая присяга, которая давалась не умышленно, а «по замешательству в трудных обстоятельствах и слабости разумения о святости присяги», также предполагала лишение всех прав состояния и ссылку на житье в Томскую или Тобольскую губернии. В соответствии со ст. 262 лицо, не подвергшееся ни одному из видов наказаний за лжеприсягу, предавалось церковному покаянию [Там же, с. 97].

Раздел 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления» содержал ряд составов, в которых предусматривались оскорбление и явное неуважение к присутственным местам и чиновникам при отправлении службы (в том числе речь шла и о судебных местах и судебных чиновниках). Продолжал оставаться преступлением против правосудия взлом тюрем и насильственный увоз заключенных. Раздел 5 «О преступле-

ниях и проступках по службе государственной и общественной» уже традиционно предусматривает гл. 5 «О неправосудии». В этой главе были представлены следующие составы: решение дела из корыстной или иной личной заинтересованности вопреки закону; назначение более строгого наказания, чем предусмотрено законом; освобождение от наказания виновного лица. Статья 398 специально оговаривала тот случай, когда неверное принятие решения по делу было вызвано ошибкой судьи. В этом случае судья подвергался замечанию или выговору [Там же, с. 171–173]. «Преступление умышленной несправедливости, – пишет А. В. Лохвицкий, – вследствие подкупа, без сомнения, самое низкое, какое только может совершить судья. Это также одно из самых опасных для общества... Получивши власть судить, он должен отправлять ее беспристрастно и не взирая на лица. Он выполняет великое назначение, род священнослужения; обществоверяет ему самую благородную обязанность, и оно ожидает от него своего спокойствия» [10, с. 398–399]. А. В. Лохвицкий отмечает, что неправосудие могло осуществляться не только из корыстной заинтересованности, но и «из иных личных видов». Неправосудие же в уголовном суде было более опасно, чем, например, неправосудие в суде гражданском [Там же, с. 400].

Отделение 1 гл. 11 называлось «О преступлениях и проступках при следствии и суде». В данном отделении предусматривались следующие преступления против правосудия: неисполнение своих обязанностей по нерадению или незнанию, а также с намерением и по пристрастию; присвоение вещественных доказательств лично или через посредника; затягивание времени при начале следственных или судебных действий; неоправданная медлительность при производстве следственных или судебных действий; принуждение обвиняемого к признанию или свидетеля к показанию, сопряженное с угрозой или иными противозаконными средствами, а также с истязаниями и жестокостью; содействие незаконному оправданию [26, с. 201–204].

Согласно замечанию Э. М. Агджаева, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. российский законодатель продолжил тенденцию формирования преступлений против правосудия с использованием такого признака субъективной стороны преступления, как цель [1, с. 27].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. представлял собой уголовный кодекс, в котором содержались постановления «о сравнительно менее важных преступных деяниях, подлежащих юрисдикции единоличных судей» [12, с. 186]. Он был издан совместно с судебными уставами 20 ноября 1864 г. и представ-

для Особенную часть их. По мнению, например, Н. Д. Сергеевского, данный устав представлял собой значительный шаг вперед, по сравнению с Уложением о наказаниях 1845 г., так как обладал гораздо более четкими диспозициями статей [21, с. 84]. Однако мнения по поводу Устава его современников и сегодняшних исследователей истории права сходятся далеко не во всем. По мнению М. И. Сизикова, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, не только регулирует материальные правоотношения, а не процессуальные, но и стоит особняком, не вписываясь в стройную и логически завершенную систему судебных уставов [19, с. 386]. Устав был подвергнут ожесточенной критике некоторых современных ему юристов.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. предусматривал в качестве уголовного проступка против правосудия оскорбление судебного чиновника. Так, в частности, в гл. 2 «О проступках против порядка управления» в ст. 31 говорилось о том, что лицо, оскорбившее служителя судебного места словесно, могло быть подвергнуто аресту сроком на месяц или штрафу до 100 руб. Если же оскорбление было выражено в действии, то арест мог быть назначен до 3 месяцев [23, с. 35]. По мнению П. Лякуба, для применения ст. 31 обязательным условием являлось нахождение потерпевшего в процессе отправления служебных обязанностей, а обвиняемому был известен характер служебной деятельности потерпевшего. К потерпевшим же из судебных чиновников, согласно мнению П. Лякуба, относились сельские заседатели и волостные писари [27, с. 35]. Очевидно, что оскорбления, которые носили более тяжкий характер, регламентировались Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Новое Уголовное уложение 1903 г. состояло из 37 глав и 687 статей, только объяснительная записка к нему составляла 8 томов, однако в силу оно вступало постепенно. Так, законом от 7 июня 1904 г. были введены в действие главы о преступных деяниях и наказаниях вообще (Общая часть), но только в отношении соответствующих статей Особенной части, о бунте против верховной власти, о государственной измене, о смуте, о противодействии правосудию, о подлоге, о преступных деяниях по службе государственной и общественной. Главы были введены в действие в основном частично. Частично вводились в действие и другие главы Уложения в 1905, 1906, 1909 и 1911 гг. Полностью Уложение в силу так и не вступило.

Уголовное уложение 1903 г. стало первым законодательным актом в России, в котором преступления против правосудия были систематизированы по видовому объекту посягательства

(интересы правосудия и судебной власти). До этих пор исследуемые преступные посягательства размещались либо вместе с преступлениями против религии и церкви, либо с преступлениями против порядка управления, особо не выделяясь специфичностью своего видового объекта. В Уголовном уложении 1903 г. не было разделов и преступления против правосудия располагались между главой «О неповиновении власти» и главой «О нарушении постановлений о воинской и земской повинностях».

Глава 7 «О противодействии правосудию» содержала следующие составы. Статьи 156 и 157 устанавливали ответственность за заведомо ложный донос о совершенном преступлении. Наказанием при этом являлось заключение в исправительном доме или тюрьме [25, с. 35–36]. В статье 158 предусматривалась ответственность за дачу ложных показаний. Квалифицирующим признаком такой дачи являлся подкуп лица или предварительно им данная присяга. Статья 159 карала за подделку (фальсификацию) доказательств. Необходимо отметить, что законодатель ставил наказание в зависимость от характера и степени тяжести преступления, по которому доказательства фальсифицировались. В статьях 162–164 регламентировалась уголовная ответственность за недонесение о «о достоверно известном виновному, замышленном или предпринятом тяжком преступлении». В статье 165 каралось невыполнение законных требований судебных властей по выдаче вещественных или письменных доказательств. Статья 166 карала за повреждение, сокрытие или захват вещественных доказательств [Там же, с. 38]. Сокрытие виновного лица или содействие такому сокрытию предусматривалось ст. 167 и 168. Статья 169 карала арестом и денежной пеней до 500 руб. лиц, которые оговорили себя в совершении преступления, которого на самом деле не совершали. Причем способы такого оговора были следующие: лицо совершало ложную явку с повинной, в суде выдавало себя за другое лицо или отбывало наказание за другое лицо. Статья 170 выполняет роль своеобразного примечания, в котором определяется, что совершение ряда преступлений, связанных с укрывательством, не распространяется на членов семьи виновного лица [Там же, с. 39].

Статьи 173–178 предусматривали ответственность за освобождение арестантов и побеги арестантов из-под стражи, из мест заключения, с места поселения, с каторги, а также оставление определенного места жительства [Там же, с. 40–41]. Как отмечают А. С. Горелик и Л. В. Лобанова, консолидации норм, направленных на защиту интересов правосудия «изнутри», в Уголовном уложении 1903 г. не было [4, с. 20].

Согласно выводам, сделанным в историческом исследовании преступлений против правосудия И. В. Дворянсковым, И. А. Друзиным и А. И. Чучаевым, должностные лица системы правосудия дореволюционного периода обладали максимальными гарантиями защиты, основанными на социальном и должностном неравенстве. Практически не обеспеченной была безопасность обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Но ситуация с середины XIX в. начала меняться, что было вызвано созданием и совершенствованием системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих получение достоверных доказательств. Возрастают роль и авторитет правосудия в обеспечении социальной справедливости, основанной на объективной, а не формальной истине [5, с. 81–85].

Преступления против правосудия, в современном их понимании, находились в различных главах законов и не были должным образом систематизированы. В основном объектами охраны этих глав являлись вера и порядок управления, объединенный более широким объектом – интересами государственной власти. Традиционными составами в исследуемом периоде остаются: лживая присяга, клятвopреступление, ложный донос, недонесение, несвоевременный донос, укрывательство преступника, воспрепятствование задержанию лица со стороны иных лиц, сопротивление аресту, учинение неправды в суде, злоупотребление судей, бесчинства и беспорядки в помещении суда, неправомерные действия с доказательствами, побег и др.

Хотя с середины XIX в., когда уголовное право России начинает самостоятельное оформление как отрасль, в автономных законах появляются и специальные разделы, защищающие интересы правосудия, к сожалению, вплоть до конца XIX столетия осуществить полную и четкую систематизацию посягательств на интересы правосудия российскому законодателю так и не удалось. ❏

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агджаев Э. М. Историческое развитие законодательной регламентации цели в преступлениях против правосудия в дореволюционный период // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 25–28.
2. Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара : Самарский университет, 2013. 192 с.
3. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М. : Тип. А. А. Карцева, 1888. 584 с.
4. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.
5. Дворянсков И. В., Друзин А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование). М. : 4-й филиал Воениздата, 2002. 150 с.
6. Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. А. И. Чистяков. М. : Юрид. лит., 2001. 984 с.
7. Законодательство императрицы Анны Иоанновны / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2009. 238 с.

8. Законодательство Петра I. М. : Юрид. лит., 1997. 878 с.
9. Коныхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 348 с.
10. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. : Печатано в тип. Правительствующего Сената, 1867. 653 с.
11. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. К. А. Софроненко. М. : Госюриздат, 1961. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. 667 с.
12. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М. : А. А. Карцев, 1912. 668 с.
13. Проекты Уголовного уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / под ред. А. А. Востокова, предисл. Н. Сергеевского. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 208 с.
14. Развитие русского права в первой половине XIX в. / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М. : Наука, 1994. 316 с.
15. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М. : Наука, 1992. 312 с.
16. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.
17. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1987. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. 528 с.
18. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. 432 с.
19. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8. Судебная реформа. 496 с.
20. Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 15: Законы уголовные. СПб. : Печатано в тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 562 с.
21. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям. СПб. : Книжный магазин А. Ф. Цизерлинга, 1890. 385 с.
22. Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 218–223.
23. Тимофеев Н. П. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, разъясненный решениями Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1866–1871 гг. СПб. : Тип. К. Н. Плотнокова, 1872. 160 с.
24. Уголовное право России. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М. : Инфра-М-Норма, 1997. 768 с.
25. Уголовное уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Сенат. тип., 1903. 144 с.
26. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : В тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 922 с.
27. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями с пояснением текста, дополненными всеми вышедшими до 1877 г. узаконениями по решениям уголовного кассационного департамента с 1866 по 1876 г. Пенза : Издание П. М. Лякуба, 1877. 207 с.
28. Хлопцева Е. Ю. Уголовно-правовая охрана правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 179 с.
29. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Равена, 1995. 846 с.

REFERENCES

1. Agdzhaev E.M. Istoricheskoe razvitie zakonodatel'noj reglamentacii celi v prestupleniyah protiv pravosudiya v dorevolucionnyj period [Historical development of legislative regulation of the goal in crimes against justice in the pre-revolutionary period]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami* [Actual problems of combating crimes], 2015, no. 1, pp. 25-28. (in Russian)
2. Bezverhov A.G., Korostelev V.S. *Proekt Ugolovnogo ulozheniya Rossijskoj imperii 1813 goda* [Draft of the Criminal Code of the Russian Empire in 1813]. Samara, Publishing house "Samara University", 2013, 192 p. (in Russian)
3. Belyaev I.D. *Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva. Vtoroe izdanie* [Lectures on the history of Russian legislation. Second edition]. Moscow, A.A. Kartseva Printing House, 1888, 584 p. (in Russian)
4. Gorelik A.S., Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya* [Crimes against justice]. Saint-Petersburg, Legal Center Press, 2005, 491 p. (in Russian)
5. Dvoryanskov I.V., Druzin A.I., Chuchaev A.I. *Ugolovno-pravovaya ohrana otpravleniya pravosudiya (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Criminal and legal protection of the administration of justice (historical and legal research)]. Moscow, 4th branch of the Military Publ. House, 2002, 150 p. (in Russian)
6. *Zakonodatel'stvo Ekateriny II. V 2 t. T. 2.* Otv. red. A.I. Chistyakov [Legislation of Catherine II. In 2 volumes. Vol. 2. Otv. red. A.I. Chistyakov]. Moscow, Legal Literature, 2001, 984 p. (in Russian)
7. *Zakonodatel'stvo imperatricy Anny Ioannovny. Sost. i avt. vstup. st. V.A. Tomsinov* [Legislation of Empress Anna Ioannovna. Comp. and ed. entry Art. V.A. Tomsinov]. Moscow, Zercalo, 2009, 238 p. (in Russian)
8. *Zakonodatel'stvo Petra I* [Legislation of Peter I.]. Moscow, Legal Literature, 1997, 878 p. (in Russian)
9. Konyahin V.P. *Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchej chasti rossijskogo ugovnogo prava* [Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian criminal law]. Saint-Petersburg, Legal Center Press, 2002, 348 p. (in Russian)
10. Lohvickij A.V. *Kurs russkogo ugovnogo prava* [Russian Criminal Law Course]. Saint-Petersburg: Printed in the printing house of the Government Senate, 1867. 653 p. (in Russian).
11. *Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. Pod red. K.A. Sofronenko* [Monuments of Russian law: in 8th issue]. Moscow: Gosyurizdat, 1961. Vyp. 8: *Zakonodatel'nye akty Petra I* [Legislative acts of Peter I], 667 p. (in Russian)
12. Poznysheshev S.V. *Osnovnye nachala nauki ugovnogo prava. Obshchaya chast' ugovnogo prava* [Basic principles of the science of criminal law. General part of criminal law]. Moscow, A.A. Kartseva Printing House, 1912, 668 p. (in Russian)
13. *Proekty Ugolovnogo ulozheniya 1754 1766 godov. Novoulozhen-noj knigi chasti vtoraya: o roznykh delah i kakie za raznye zlodejstva i prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy polozheny. Pod red. A.A. Vostokova, predisl. N. Sergeevskogo* [Projects of the Criminal Code of 1754 1766. Part two of the new book: about search cases and what executions, punishments and fines are imposed for various atrocities and crimes / Ed. A.A. Vostokov, foreword. N. Sergeevskij]. Saint-Petersburg, Printing house M.M. Stasyulevich, 1882, 208 p. (in Russian)
14. *Razvitie russkogo prava v pervoj polovine XIX v.* Otv. red. E.A. Skripilev [Development of Russian law in the first half of the XIX century. Otv. ed. E.A. Skripilev]. Moscow, Nauka, 1994. 316 p. (in Russian)
15. *Razvitie russkogo prava vtoroj poloviny XVII-XVIII vv.* Otv. red. E.A. Skripilev. Moscow, Science, 1992, 312 p. (in Russian)
16. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov: teksty i komment. v 9 t. Pod obshch. red. O.I. Chistyakova* [Russian legislation X-XX centuries: texts and comments. In 9 volumes. Under total. ed. O.I. Chistyakov]. Moscow, Legal Literature, 1986. T. 4. *Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absoljutizma* [Legislation of the period of formation of absolutism], 512 p. (in Russian)
17. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov: teksty i komment. v 9 t. Pod obshch. red. O. I. Chistyakova* [Russian legislation of the X-XX centuries: texts and comments. in 9 tons. Under total. ed. O.I. Chistyakova]. Moscow, Legal Literature, 1987. T. 5. *Zakonodatel'stvo perioda rascveta absoljutizma* [Legislation of the heyday of absolutism]. 528 p. (in Russian)
18. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov: teksty i komment. V 9 t. Pod obshch. red. O.I. Chistyakova* [Russian legislation of the X-XX centuries: texts and comments. In 9 t. Under total. ed. O.I. Chistyakov]. Moscow, Legal Literature, 1988. T. 6. *Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka* [Legislation of the first half of the XIX century], 432 p. (in Russian)
19. *Rossijskoe zakonodatel'stvo H-HKH vekov: teksty i komment. V 9 t. Pod obshch. red. O.I. Chistyakova* [Russian legislation of the X-XX centuries: texts and comments. In 9 t. Under total. ed. O.I. Chistyakov]. Moscow, Legal Literature, 1991. T. 8. *Sudebnaya reforma* [Judicial reform], 496 p. (in Russian)
20. *Svod zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem Gosudarya Im-peratora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj. T. 15: Zakony ugovolnye* [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich. T. 15: Criminal laws]. Saint-Petersburg, Printed in type. Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1832, 562 p. (in Russian)
21. Sergeevskij N.D. *Russkoe ugovolnoe pravo. CHast' obshchaya: Po-sobie k lekciyam. N.D. Sergeevskij*. Saint-Petersburg, Knizhnyj magazin A.F. Cizerlinga [Russian criminal law. General part: Manual for lectures. ND Sergeevskij], 1890, 385 p. (in Russian)
22. Strygina I.V. *Ocherk istorii prestuplenij protiv pravosu-diya po ugovnomu zakonodatel'stvu dosovetskogo perioda* [Essay on the history of crimes against justice under the criminal legislation of the pre-Soviet period]. *Social'noekonomicheskie yavleniya i processy* [Socio-economic phenomena and processes], 2012, no. 10 (44), pp. 218-223. (in Russian)
23. Timofeev N.P. *Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'ya-mi, raz'yasnennyj resheniyami Ugolovnogo kassacionnogo departamenta Pravitel'stviyushchego Senata za 1866 1871 gg* [The charter on punishments imposed by justices of the peace, clarified by the decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate for 1866-1871]. Saint-Petersburg, Printing house K.N. Plotnikov, 1872, 160 p. (in Russian)
24. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'*: Uchebnik dlya vuzov. Otv. red. I.YA. Kozachenko, Z.A. Neznamova [Special part: Textbook for universities. Resp. ed. AND I. Kozachenko, Z.A. Neznamova]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa Publ. group Infra-M-Norma, 1997, 768 p. (in Russian)
25. *Ugolovnoe ulozhenie Vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g* [Criminal Code of the Highest approved on March 22, 1903]. Saint-Petersburg, Senate Printing House, 1903, 144 p. (in Russian)
26. *Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh* [Code of penalties and penalties]. Saint-Petersburg: Printing House of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845, 922 p. (in Russian)
27. *Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'ya-mi s poyasne-niem teksta, dopolnennymi vsemi vyshedshimi do 1877 g. uzakoneniyami po resh-eniyam ugovnogo kassacionnogo departamenta s 1866 po 1876 gg* [Charter on punishments imposed by justices of the peace with an explanation of the text, supplemented by all the legalizations issued before 1877 on the decisions of the criminal cassation department from 1866 to 1876]. Penza, Edition of P.M. Lyakuba, 1877, 207 p. (in Russian)
28. *Hlopcova E.Yu. Ugolovno-pravovaya ohrana pravosudiya: dis. kand yurid. nauk* [Khloptseva E.Yu. Criminal legal protection of justice. Cand. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1995, 179 p. (in Russian)
29. *Chelcov-Bebutov M.A. Kurs ugovolno-processual'nogo prava: Ocherki po istorii suda i ugovnogo processa v rabovladel'cheskih, feo-dal'nyh i burzhua-znyh gosudarstvah* [Course of criminal procedural law: Essays on the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal and bourgeois states]. Saint-Petersburg, Ravena, 1995, 846 p. (in Russian)

Crimes against Justice in Criminal Law Russian Legislation of the Absolute Era Monarchies

© Georgievsky E. V., Kravtsov R. V., 2021

The paper studies crimes against justice in the era of the absolute monarchy of Russia—from the beginning of the XIX century to 1917. The subject of the study is the legislative acts of the Russian state, both containing the norms of the criminal law character dedicated to the protection of the interests of justice, and the actual criminal laws and draft criminal laws that have an independent (autonomous) character. The research methodology was based on specific historical and comparative (comparative-legal) approaches to the legal nature of the institution of joint infliction of harm. The general inductive method is based on the formation of conclusions, which allows us to approach the general principles of the legislative formalization of the institution of joint commission of a crime from particular (casuistic) legislative fragments. In the course of the study, a number of theoretical propositions were identified and systematized. The era of absolute monarchy in Russia, associated with the name of Peter I, is characterized by the beginning of the processes of renewal in criminal legislation. Conceptual approaches to the consolidation of normative material are changing, and the methodology for building norms is being improved. In fact, general provisions are beginning to be formed to the extent necessary for the normal process of law enforcement, although there is still no structural separation. The criminal-legal terminology is changing. The influence of foreign legislation on Russian national criminal law is also undeniable. A serious impetus for changing the conceptual approach to the registration of crimes against justice is the emergence of new legislative acts in the field of criminal procedure regulation. Nevertheless, the criminal law reform carried out over two centuries did not achieve certain general and specific goals, including the full systematization of criminal encroachments on the interests of justice in the Russian Empire.

Keywords: crimes against justice, perjury, perjury, false searches, snitch, the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845.